

А.А. Кочубинский

Ян Амос Коменский

В. И. Григорович

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Кочубинский**
Ян Амос Коменский: В. И. Григорович / А.А. Кочубинский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 60 с.

ISBN 978-5-517-82990-0

Ян Амос Коменский. В. И. Григорович. Две речи А.А. Кочубинского.

ISBN 978-5-517-82990-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I

---

16 МАРТА 1892

ЯНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СУДЬБАХЪ СВОЕГО НАРОДА

Милостивые Государи!)*

16-е марта настоящаго года — одинъ изъ тѣхъ нечастыхъ моментовъ современной жпзни, когда люди, безъ различія крови, не заглушившіе еще въ себѣ чувства элементарной справедливости, исполнены одной мысли и объединяются духомъ въ одну культурную семью. Сегодня вездѣ, гдѣ только чтутся высокіе интересы школы для общества, какъ одной изъ первыхъ основъ его правильнаго развитія, съ признательнымъ чувствомъ воскрешаютъ образъ того, кто три вѣка назадъ въ этотъ день явился на свѣтъ Божій, на простыхъ, но глубокихъ мысляхъ котораго, посвященныхъ ребенку и юношѣ, основалась школа нововѣковой Европы и прошло умственное развитіе ея отдѣльныхъ обществъ. Можно думать — эти мысли пребудутъ, пока пребудетъ сама школа.

16 марта 1592 года, въ скромной семьѣ чешскаго мельника, но члена пзвѣстнаго въ европейской жизни того времени политико-религіознаго общества такъ называвшихся «братъевъ» (Jednota Bratěrská), въ небольшомъ городкѣ Моравіи, близъ венгерской границы (Бродъ), родился Янъ Амосъ (т. е. изъ рода Милпчъ) Коменскій, виновникъ современной элементарной школы

---

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Историко-Филологическаго Общества при Университетѣ 16 марта 1892 года, въ трехсотлѣтнюю годовщину дня рожденія Коменскаго.

— съ нагляднымъ обученіемъ, виновникъ общеобязательной народной школы, виновникъ реального типа школы, виновникъ и современной рациональной и гуманной педагогики, съ ея требованіями постепенности, соразмѣрности и общей гармоніи. О немъ уже современники говорили: «постигъ все тайны обученія».

Коменскій явился міру на рубежѣ кроваваго XVII вѣка для того, чтобы предстать съ словомъ и дѣломъ мира и любви, какъ ангелъ мира, среди крови и проклятій, среди опьяняющихъ кровавыхъ ликованій. XVII вѣкъ, это — эпоха вспышки послѣднихъ вакханалій католическаго фанатизма отъ береговъ Атлантическаго океана и до береговъ Днѣпра, фанатизма, который, хотя и анахронически, но и сегодня, препоручается одной частью нашего славянскаго племени въ грубыхъ и приторныхъ романахъ пресловутаго Сенкевича. XVII и XIX вѣкъ, чехъ Коменскій и полякъ Сенкевичъ!... Въ христіанской крови захлебывалась «христіанѣйшая» и просто «христіанская» Европа. Не сдерживалъ ее и самъ турокъ, который изъ столицы Венгріи сторожилъ порогъ жилища самого «апостольскаго величества» въ Вѣнѣ, впрочемъ, этотъ грозный турокъ — уже вѣковой полтичeskій другъ «христіанѣйшаго короля», автора извѣстныхъ драгонадъ, другъ Франціи.

Въ лицѣ Коменскаго въ послѣдній разъ историческій гений чешскаго народа вспыхнулъ яркою звѣздой на умственномъ горизонтѣ охваченной страстями Европы XVII вѣка. Угасъ этотъ яркий свѣточъ, попеременно свѣтившій среди различныхъ народовъ Европы, отъ пышнаго Лондона и до убогаго Шарошъ-Потока въ Венгріи, но въ жизни человѣчества оставилъ вѣковые слѣды по себѣ.

Признательный всюду откликъ къ сегодняшнему дню — свѣдѣтельство того. Это — сознательная дань отъ учениковъ своему учителю XVII вѣка.

Увлеченные мощною фигурою своего Коменскаго, своего послѣдняго гения въ исторіи, отечественные біографы только что не говорятъ, что уже у груди матери Коменскій обдумывалъ свои педагогическіе постулаты: они-де были продиктованы ему мучительными годами его первой школы, ему, яко-бы уже взрос-

лону юношѣ средн обычной мелкоты *). Но, это — приемъ агіографическій.

Начать бы хоть съ того, что сынъ моравскаго мельника п.сѣщалъ свою первую школу въ обыкновенномъ съ другими дѣтьми возрастѣ, а не въ возрастѣ нашего Ломоносова **), что уже потому не отъ этой школы могъ пойти толчекъ для преобразовательной дѣятельности Коменскаго въ вопросахъ о школахъ, объ образованіи чело в ѣ ка изъ чело в ѣ ка.

Конечно, угрюмыя воспоминанія изъ школьныхъ лѣтъ Коменскаго (а по нимъ нарисована старая педагогія на многихъ страницахъ его «Дидактики») имѣли свое мѣсто въ исторіи сложенія его идей, но не болѣе, какъ отталкивающія иллюстраціи, напр. зубренія, грубости отношеній, царства розги. Но самая реформа созрѣть, система принять опредѣленные очертанія и сложиться въ грандіозное цѣлое, могла лишь постепенно, путемъ медленнаго процесса и подъ воздѣйствіемъ многообразныхъ условій.

Университетскіе годы въ Германіи, гдѣ занимали его этнографическіе вопросы, напримѣръ, и а родные языки, вліяніе нѣкоторыхъ профессоровъ, съ ихъ рѣзкой критикою современнаго школьнаго нестроенія **), нѣкоторыя явленія современной педагогической литературы ****), — вотъ тѣ главные

*) См. біографію, написанную пок. Палацкимъ и приложенную къ юбилейному чешскому изданію «Дидактики», въ Прагѣ 1872 года, вторая страница, гдѣ фигурируетъ краснорѣчивое «zahy», т. е. сейчасъ, отъ разу...

**) Какъ это доказано въ послѣднее время трудолюбивымъ архивистомъ, г. Ф. Дворскимъ, въ его статьѣ: «Матеріалы для біографіи Коменскаго», въ журналѣ Музейнаго патриотическаго Общества въ Оломуцѣ («Časopis»), 1888 года, № 24, стр. 136 и слѣд.

***) Обстоятельный новѣйшій біографъ Коменскаго, пок. директоръ Фр. Зубекъ (Zoubek), называетъ Гейдельбергскаго профессора Вольфганга Ратирія, съ его «De studiorum rectificanda methodo».

****) Около времени университетскихъ занятій Коменскаго явилась латино-испанская «Janua linguarum», прототипъ одноименнаго труда Коменскаго; въ 1627 г. Коменскій патыкается на нѣмецкую дидактику Ильи Бодина и ею восхищается. Раннія занятія Коменскаго вопросами по педагогіи свидѣлствуются и тѣми страницами его «Дидактики», гдѣ онъ говоритъ объ общемъ стремленіи въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ устранить «непорядочность школъ и методовъ».

условія, которыя могли вліять на пробудившіеся запросы въ богатой анализующей натурѣ молодого Коменскаго. Но если разновременныя мысли Коменскаго вылились затѣмъ въ одну положительную, возвышенную гуманную систему, согрѣты такимъ горячимъ, христіанскимъ чувствомъ къ человѣку; если вся система проникнута одною идеею, какъ вырастить полезнаго человѣка — христіанина, человѣка, для котораго какъ бы πλησень былъ нравственный законъ непротивленія злу, — то только по тому, что возвышенною этической единицею была сама «Община братьевъ», въ лонѣ которой Коменскій родился, выросъ, и въ которой онъ рано сталъ выдающимся дѣятелемъ — педагогомъ и духовнымъ руководителемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя отказать въ педагогической смысленности, психологическомъ пониманіи дѣла и членамъ другой современной «братьямъ» «Общины», какъ не отказывалъ имъ въ томъ и самъ Коменскій. Мы разумѣемъ здѣсь педагоговъ изъ школы хромаго пампелунскаго артиллериста, столь извѣстнаго Игнатія Лойоллы. Но принципы іезуитской этики были прямо противоположны началамъ Общины братьевъ; боевая педагогія іезуитовъ, направленная между прочимъ къ вытравленію евангельскихъ идей «чешскихъ братьевъ», отвѣчала ихъ этикѣ: задача школы — дрессура памяти и умерщвленіе воли. Не грѣша противъ истины, противники іезуитовъ, «братья», могли обзывать ихъ школы противухристіанскими, или, какъ любили тогда выражаться, антихристовыми.

Педагогическую систему Коменскаго вызвали къ жизни борьба, тяжелыя политическія условія его чешской родины — въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія. Мотивы и цѣли ея прежде всего патріотическія. Онъ работалъ надъ нею въ интересѣ возрожденія, спасенія несчастной родной земли. «Мы, говоритъ Коменскій, пишемъ по-чешски Дидактику потому, что пишемъ для своего народа» (въ XXIX главѣ). Но спасти свой народъ при посредствѣ школы Коменскому не удалось. Зато съ признательностью воспользовались его животворящими идеями другіе народы, и при жизни его, при его непосредственномъ участіи въ самой организаціи школъ, но особенно позже. Позволимъ себѣ утверждать, что и Песталлоци, и Дистервегъ лишь поздніе ростки стараго чешскаго дерева. Мы этимъ не умаляемъ заслугъ швейцарскаго

и нѣмецкаго педагоговъ болѣе новаго времени, но только справедливо возстановляемъ генеалогію идей*).

Такимъ образомъ, «ниъ сѣяй, а ниъ жияй». Но — такова именно была судьба чешскаго народа, отъ начала его исторической жизни, судьба, съ которой намъ и необходимо нѣсколько познакомиться, чтобы затѣмъ имѣть возможность установить прямую связь между педагогическими идеями Коменскаго и духовною атмосферой его собственнаго народа, установить мѣстно-историческое происхожденіе его педагогическихъ трудовъ, чуждыхъ всякой академической тракціи. Въ культурныхъ условіяхъ развитія духовныхъ интересовъ чешскаго народа нельзя уяснить себѣ того возвышеннѣйшаго гуманизма, которымъ проникнуты педагогическія идеи Коменскаго и который былъ для него точкою отправленія.

«Благословенъ ты: кто равенъ тебѣ, о народъ мой, освобожденный о Господѣ!»

Такъ восклицаетъ Коменскій въ своемъ «Завѣщаніи умирающей матери», т. е. Общны братьевъ, написанномъ въ чисто библейскомъ духѣ и стилѣ.

*) При нашей умственной зависимости отъ западной мысли, нѣтъ ничего удивительнаго, если и наши лучшіе педагоги-мыслители въ своихъ свѣдѣніяхъ по исторіи современной педагогикѣ ниже Песталлоци не спускаются и Коменскаго не знаютъ. Вотъ прекрасная книга пок. Пирогова: «Собраніе литературно-педагогическихъ статей» (Кіевъ, 1861). На стр. 104, касаясь вопроса о наглядномъ ученіи, Пироговъ выражается: «это со временъ Песталлоци сдѣлалось также аксіомою». Но наглядное обученіе было единственнымъ даже въ народныхъ школахъ Австріи еще въ половинѣ XVIII столѣтія, какъ видно напр. изъ доклада академика Эпинуса императрицѣ Екатеринѣ II при первомъ устройствѣ учебнаго дѣла у насъ. См. монографію пок. гр. Д. А. Толстаго: «Городскія училища въ царствованіе Имп. Екатерины II» въ «Зап. И. Ак. Н.», т. 54. Не лишне припомнить и изъ нашего прошлаго, что одно изъ первыхъ изданій Московскаго университета, рабство его типографіи, было—«Orbis pictus Comenii», въ 1756 году, что знаменитый профессоръ—педагогъ Шаденъ въ 1768 году издалъ въ Москвѣ же «Видимый свѣтъ» Коменскаго на пяти языкахъ для русскихъ школъ, съ своимъ любопытнымъ предисловіемъ, гдѣ изложилъ значеніе нагляднаго способа развитія понятій и изученія языковъ, что и въ московской университетской гимназіи шло обученіе латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ по этому учебнику педагога XVII вѣка. (Шевыревъ, Исторія Московскаго университета, стр. 23, 151, 190).

Въ этомъ гордомъ возрѣніи Коменскаго на прошлое своего народа не звучитъ фальшивая нота мелкаго народнаго самооправданія; не фантастическія грезы больнаго мессіаниста въ стилѣ Мицкевича говорили здѣсь въ Коменскомъ, а глубокое пониманіе смысла минувшихъ судебъ родной земли. Если отбросить библейскую фразеологию, то мы получимъ одно: Коменскій вѣрно отмѣтилъ главное содержаніе, философію чешской исторіи—этой огромной лѣтописи желанія народомъ «освобожденія», лѣтописи, послѣднія страницы которой и заполняются дѣятельностью самого автора великой «Дидактики», въ интересѣ того-же «освобожденія».

Исканіе освободительнаго, духовнаго идеала, нормы для жизни, явленіе это проходитъ чрезъ всю исторію чеховъ*). Упрямое стремленіе ихъ къ нормѣ временамъ подымало противъ нихъ Европу. Казалось бы, что небольшой народъ долженъ погибнуть въ неравномъ поединкѣ; но энергія и сила убѣжденія выносила его на верхъ, и онъ открывалъ періоды въ исторіи Европы. Не забудемъ, что задолго до Лютера была пробита первая брешь въ зданіи папства именно чехами, ихъ кровью. Прибавимъ, что самая увертюра 30-лѣтней войны и вестфальскаго мира, падолго утвердившаго отношенія въ средней Европѣ, открылась въ Прагѣ, увертюра, которая для самихъ чеховъ была трагическимъ финаломъ.

Такимъ образомъ, въ частной исторіи одного народа мы читаемъ общую исторію Европы—завидное положеніе, которое можетъ указать исторія немногихъ народовъ.

Прослѣдуемъ-же за ходомъ «освободительныхъ» моментовъ въ исторіи чеховъ, отмѣтимъ тѣ, какъ выразился Коменскій въ своей «Дидактикѣ», «орудія, которыя во мракѣ возжигали народу чешскому свѣтъ правды» (глава XXVIII). Конечно, не всѣ «орудія» одинаковой стоимости.

---

*) И черезъ два столѣтія ту-же высокую мысль Коменскаго объ общемъ значеніи исторіи чеховъ повторяетъ и чешскій исторіографъ, проф. Палацкій, отдавая отчетъ о своихъ сорокалѣтнихъ историческихъ работахъ; но, къ сожалѣнію, онъ суживаетъ глубокой взглядъ своего соотечественника изъ XVII вѣка, ставши на чисто конфессіонально-протестантскую точку зрѣнія: «старые чехи, говоритъ Палацкій, поставивъ великую задачу—освобожденіе человѣческаго духа отъ средневѣковаго авторитета. («Dějiny národu českého» d. V, č. II, 1867, стр. V).

Освободительнымъ, истинно освободительнымъ моментомъ и открывается чешская исторія, исторія славянъ на крайнемъ Западѣ.

Кто, чье исканіе вызвало въ жизнь грандіозное явленіе въ исторіи Европы — Славянскую церковь, художественную организаторскую дѣятельность Свв. Кирилла и Меѳодія? Гдѣ, въ чьей землѣ, она нашла свое первое примѣненіе и развитіе?

Пришли въ Византію посланцы отъ моравскихъ (чешскихъ) славянъ просить «правды», духовнаго о Господѣ освобожденія, и вотъ, отвѣтомъ на это исканіе нормы и была дѣятельность великихъ апостоловъ Славянства, но которые, прежде всего, апостолы чеховъ. Событіе міроваго значенія, которому славяне обязаны своимъ національнымъ развитіемъ въ будущемъ.

Да, что было бы съ нами, славянами, если бы инициатива чеховъ IX столѣтія не вызвала къ жизни блестящей попытки образованія національной церкви, а съ этимъ и появленія третьей, национально-христіанской письменности, въ параллель греческой и латинской? Намъ думается, что одни славяне тѣснѣйше вошли бы въ сферу одного, византійскаго, центра, другіе — другаго, римскаго; но свой культурный типъ едва ли бы сформировался. Судьба балтійскихъ славянъ едва-ли бы была далека для многихъ изъ насъ. Заслуга чеховъ для всѣхъ славянъ неоцѣнимая!

Казалось, враждебное теченіе снесло безслѣдно съ чешской земли апостольскую дѣятельность Свв. братьевъ. Но — своимъ казовымъ торжествомъ оно не смыло памяти о ней въ народной массѣ. Великая идея о равноправной народной церкви не умерла отъ внѣшняго удара, жизненность ея не изсякла.

Какъ затерявшійся въ болотной чащѣ потокъ, славянская культурная идея не переставала жить среди чеховъ, но незамѣтно, пока новыя условія не вынесли ея снова на верхъ, и не потекла она свободно снова.

Эти новыя условія — церковно политическая дѣятельность Гуса.

Современники-враги издѣвались надъ Гусомъ и надъ его историческою вифлеемскою стодолю*), какъ обзывали они его знаменитую народную аудиторію-часовню, но не предчувствовали,

---

*) Stodola по чешски — огнь, въ малорусскомъ также стодола.

что идеи, шедшія изъ «стодолы», взрыхляли почву для будущаго сѣва «освобожденія».

Гуса сожгли; убито было путемъ фальшиваго компромисса и кровавое возмездіе — гуситскія войны. Но съ пущеннымъ по вѣтру прахомъ Гуса не разнеслись въ воздухѣ идеи Гуса. Онѣ воскресли, но уже не въ формѣ единоличнаго мнѣнія, а въ образованіи грандіознаго духовнаго братства — «Общины чешскихъ братьевъ».

«Изъ пепла Гусова волею Божьею пробудился я и мои дѣти», говоритъ у Коменскаго сама «Община», озпрая пройденный ею свой жпзненный путь *).

Но познакомиться съ этимъ пробужденіемъ, это значитъ познакомиться съ жизнью послѣдняго полутора столѣтія государственной независимости чеховъ. Поэтому мы будемъ кратки.

Зерно горяшно, изъ котораго выросло могучее дерево пробужденія, ютплось въ глухомъ уголкѣ югозападной Чехіи.

Въ сельцѣ Хельчицахъ, въ первой половинѣ XV вѣка, проживалъ одинъ мелкій землевладѣлецъ («zeman»), въ юности побывавшій въ Пражскомъ университетѣ, слушавшій даже Гуса, но скоро бросившій университетскую науку (она не отвѣчала его жпвому темпераменту), а потому болѣе автодидактъ, но мыслитель сильный, оригинальный. Ему суждено было въ судьбахъ своего народа сыграть болѣе смѣлую роль, чѣмъ самому Гусу: профессоръ Гусъ своею критикою расчищалъ почву, а этотъ своеобразный ученнкъ его явился, но самъ не ища того, создателемъ цѣлой полптической организаціи, съ смѣлою попыткою — самое общество перестроить на совѣмъ новыхъ началахъ — идсальнаго христіанства.

Это былъ Петръ Хельчицкій.

Тихая деревенская жизнь Хельчицкаго проходила въ изученіи Библіи, отцовъ церкви, затѣмъ въ чтеніи сочиненій Гуса и другихъ. Но съ негодованіемъ онѣ отнесся теперь къ новымъ ученымъ, и своимъ, и чужимъ. Онѣ не выносилъ «великихъ и славныхъ профессоровъ Пражскаго университета», этихъ «соблазнюю-

*) Цитата у Зубка, оп. с., 71, изъ «Завѣщанія».